

**ДЕТЕКТИВНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Черная корона
Встретимся в другой жизни	Рыцарь чужой мечты
Я – его алиби	Демон искушения
Девушка с секретом	Грешница в шампанском
Блудница поневоле	Принцип Отелло
Неплохо для покойника!	Исполнительница темных желаний
Стервами не рождаются!	Жизнь нежна
Дожить до утра	Мода на чужих мужей
Крестный папа	Пока смерть не разлучит нас
Ничто не вечно под луной	Завтра не наступит никогда
Миллион причин умереть	Пять минут между жизнью
Рыжая-бесстыжая	и смертью
Охотники до чужих денег	Любовь окрыляет
Мужей много не бывает	Единственная моя
Ты у него одна	С первого взгляда
Любитель сладких девочек	Второй подарок судьбы
Игры в личную жизнь	Зеленые глаза викинга
Черт из тихого омута	Тайна, приносящая смерть
Обмани меня красиво	Цвет мести – алый
Старая тайна, новый негодяй	Не доставайся никому!
Миллионерша поневоле	Чужая жена – потемки!
Внимание: неверный муж!	Возвращаться – плохая примета
В любви брода нет	Врачебная тайна
Последняя ночь с принцем	Призрак другой женщины
Осколки ледяной души	Тайну хранит звезда
Счастье по собственному желанию	Семь лепестков зла
Любвеобильный джекет	Свидание на небесах
Длинная тень греха	Ведьма отмщения
Личное дело соблазнительницы	Программа защиты любовниц
Большие проблемы маленькой блондинки	Кинжал в постели
Красотка печального образа	Гнев влюбленной женщины
Ночь с роскошной изменницей	Лучший день в году
Окно в Париж для двоих	Огненный шар
Лицензия на happy end	Незнакомка с тысящейю лиц

**ГАЛИНА
РОМАНОВА**

Лучший
день в
году

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *А. Дурасова*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Лучший день в году : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Детективная мелодрама. Книжки Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-78285-7

Восемь лет назад следователь Копылов вел дело о гибели молодой женщины Алины Савельевой, счастливой матери и жены. Ее обнаружили в канун Рождества повесившейся в своем загородном доме. Тогда дело было закрыто, а Алина признана самоубийцей. И вот теперь к Копылову пришли ее отец и восемнадцатилетний сын Кирилл и потребовали возобновления расследования на основании подозрений, возникших у них в адрес мужа Алины Геннадия. После покушения на фотографа Илью Шелестова — свидетеля, предоставившего много лет назад Геннадию алиби, Копылов вновь берется за расследование той давней истории, тем более что в деле появляется новый загадочный персонаж...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78285-7

ПРОЛОГ

В учительской было очень тихо. Два педагога, расположившихся в противоположных углах, занимались проверкой тетрадей. Шуршали страницы, едва слышно поскрипывал стержень авторучки в руках у химички. Она проверяла контрольные восьмиклассников. А это, как правило, масса замечаний, много двоек, чуть больше троек, стабильно пять четверок и всего одна пятерка. Тетрадь потенциального умника лежала в самом низу. Ее она приберегла напоследок, чтобы хоть немного поднять себе настроение. Ну не желали дети учить ее предмет! Не желали! А она что? Прыгнет выше головы?!

Химичка, которую все в школе от мала до велика называли Ребенок из-за того, что она всех школьников называла именно так, неодобрительно косилась в противоположную сторону учительской, где шуршал пакетами с бутербродами математик Виктор Львович.

Он постоянно ест! Постоянно! На переменах пьет литрами кофе, к кофейной машине подойти невозможно, там Виктор Львович маячит. Как у

него «окно», так он шуршит упаковкой бутербродов. Тетради перед ним на столе, а он колбасу ест! А потом на страницах сальные пятна появляются. Брр, какая нечистоплотность!

— Как там гений? Снова пятерка? — пробубнил с набитым ртом Виктор Львович, чтобы разрядить гнетущую тишину.

Химичку он не жаловал. Считал эту старую деву противной и желчной. И совершенно не любящей детей. Ну что за блажь такая — называть всех без исключения — ребенок?! Да, ребенок, но к тому же еще либо мальчик, либо девочка. А от нее только и слышишь:

— Этот ребенок вымотал мне все нервы! — И непонятно, который или которая из них.

— Ребенок просто не выучил, а врет! — И снова непонятно.

Сам Виктор Львович детей очень любил. Говорил всем без исключения «вы», а особенно старательных называл по имени-отчеству. К слову, дети, все без исключения, отвечали ему взаимностью. Его предмет если и не все любили, то относились уважительно. И преподавателю практически не ввали. Ну, разве что изредка.

— Гений? — отозвалась рассеянно химичка. — Вот только взяла тетрадь в руки, листаю... Да, все снова в полном порядке. Снова пять.

Она вывела аккуратную пятерку, осторожно закрыла тетрадку, положила ее перед собой и вдруг, накрыв ее обеими ладонями, испуганно глянула на математика.

— Знаете, Виктор Львович, мне иногда страшно.

— Нам всем иногда страшно, — отозвался тот меланхолично, дожевывая бутерброд с чайной

колбасой, которую он очень любил. — Все мы чего-то боимся...

— Я не об этом! Я не о наших с вами фобиях! — раздраженно сморщилась химичка и постучала обеими ладонями по тетради. — Я о других страхах. Речь идет об этом ребенке!

— А что с этим ребенком не так? — язвительно отозвался Виктор Львович, он лично этого «ребенка» называл по имени-отчеству, потому что было заслуженно. — Этот ребенок гениален!

— Иногда мне кажется... Иногда мне кажется... — она закусила тонкую губу, неумело накрашенную фиолетовой помадой. — Иногда мне кажется, что это злой гений, Виктор Львович! Да, гениален! Бесспорно, эксперименты, которые мы проводим сообща, поражают. Расчеты... Это тянет на диссертацию, поверьте. Но стремления-то к науке нет!

— А к чему есть?

Виктор Львович заинтересовался. Химичка впервые так с ним разоткровенничалась. Тем более об одном из самых одаренных детей, в котором он совершенно не чувствовал никакого подвоха. Во всяком случае, при изучении этим «ребенком» преподаваемой им математики.

— Понимаете, как бы это сказать... Все эксперименты сводятся к одному — стремлению как-то использовать результаты в нашей повседневной жизни.

— Но это хорошо, милая вы моя! — Виктор Львович утробно хохотнул, незаметно для химички сыто рыгнул и сразу успокоился. — В конечном итоге наука должна работать на нас с вами.

На человечество! А не оседать грудями бумаги в шкафах исследовательских институтов.

— Это понятно, все понятно, — она брезгливо морщилась в его сторону, конечно, заметила его отвратительное рыганье и готова была сделать замечание, если бы не тема, сильно ее тревожащая. — Да, наука должна работать на человечество, но во благо!

— Разумеется! — поддержал он, смущенно потупив взгляд: он понял, что она заметила.

— А тут-то все не так!

— В смысле? — Он отвлекся, пытаясь сильно сжать зубы, чтобы не оплошать вторично.

— В случае с этим ребенком все не так! Его гениальность стопорится на желании... на желании сотворить зло! — Ее голос затих на зловещей ноте.

— Ну-у-у, вы скажете тоже! — он благополучно избежал промашки и теперь радовался и страхов химички совершенно не разделял. — Злой гений, хотите сказать?

— Именно!

— И это в восьмом-то классе?

— Самый опасный возраст, Виктор Львович, — возразила она, не отнимая ладоней от тетради с отличными работами. — В этом возрасте происходит становление личности, вам ли не знать?!

— Согласен. И что? Прямо все так безнадежно с этим ребенком? — ядовито улыбнулся он. — Прямо-таки хотите сказать, что его гений работает только на зло!

— Я хочу сказать, что... — она вдруг сильно

побледнела. — Что сама гениальность была порождением зла.

— Как пафосно! — Он скептически скривил рот. — Зло, породившее гения! Это... Вам не кажется, что это перебор?

— Как!.. — Ее бледность сделалась сизой. — Как это вы правильно сказали, Виктор Львович!! Боже, не ожидала от вас, честно! Но боюсь, что вы, как никогда, правы. Этот ребенок... Да, вы правы. Это зло, породившее гениальность!!

МАМА 1

Рождественская сказка, обещанная отцом Кириллу и маме, запомнилась. Она не могла не запомниться. Ее не смогли сгладить из памяти дни, недели, месяцы, годы. Даже наоборот! Чем больше проходило времени, тем четче и ярче становились картинки того дня. Будто какой-то злой гений водил невидимой кистью в его сознании, оживляя краски, пробуждая в ужасных воспоминаниях все новые и новые подробности.

— Сюрприз удался! — с сарказмом выдохнула бы мама, будь она теперь рядом. — Это так на тебя похоже...

Ее оборвавшейся жизнью закончился тот страшный день, который отец планировал устроить для них ярким, красивым, запоминающимся. Целый месяц он ходил, загадочно улыбаясь и прячась от них со своим телефоном. Кому-то звонил, с кем-то шептался и все обещал и обещал им великолепный праздник.

— Милые мои, вы даже не догадываетесь, что я для вас придумал! — воскликнул он утром шестого января за завтраком.

Утро было свежим, морозным. Он проснулся, выглянул в окно и обнаружил занесенный снегом их дворовый каток. Досадно! Собирались с ребятами погонять шайбу после завтрака. Теперь лед надо чистить. А кто станет?

В квартире вкусно пахло каким-то бытовым освежителем. Это домработница Люся уже успела прибраться. Пирогам не пахло. Мама не любила готовить. Люся не готовила, потому что ей за это не платили.

Он умылся, надел тонкий спортивный костюм, в котором всегда ходил дома, и пошел в кухню.

Отец болтал без умолку, сидя за столом в одних трусах, хотя мама и ругала его за это всегда. Он считал свой торс великолепным и не считал нужным его прятать. Светловолосый, высокий, голубоглазый, отец выглядел бы очень симпатичным, если бы не постоянная затравленность в глазах. Почему она там жила, он — его десятилетний сын — не знал.

У отца не было трудного детства. Он вырос в благополучной, вполне обеспеченной семье. У него были отличные друзья, его любила такая шикарная женщина, как мама. Почему тогда? Почему ему — его сыну — всегда казалось, когда он смотрел на отца, что тот постоянно чего-то боится? Или ждет чего-то плохого? Может, он заранее, за много-много лет предвидел, что в его жизни случится ужасная трагедия? Может, предвидел и каждый день ждал исполнения страшного приговора?

Эту черту он в отце ненавидел. Особенно, когда тот вздрагивал от громких звуков. Вздрагивал и морщился. Хотелось напрямую спросить: «Пап, ты

трус?» Но отец не был трусом, он это точно знал. Он однажды врукопашную справился с тремя хулиганами, вооруженными битами, возжелавшими отобрать у него кошелек и мобильник.

Отец не был трусом, но и счастливым не выглядел тоже. Хотя почему, казалось бы, да? У него все было для счастья. Доля в преуспевающем бизнесе, красивая и умная жена. Хороший сын, не огорчивший по-крупному своих родителей ни разу. Большая квартира в престижном районе. Дом, в который планировалось переселиться как раз после Рождества.

Все же есть! Казалось, живи и радуйся! Почему тогда хотя бы изредка не светились беззаботностью его глаза? Той самой беззаботностью, которую дарует ощущение безграничного счастья...

— Вы просто обомлеете от такой красоты! — пообещал он снова и покивал головой.

— Только не вздумай проболтаться, — поморщилась мама, раскладывая по тарелкам вязкую рисовую кашу. — Ты можешь!

— Не-а, не проболтаюсь. — Отец взял ложку, погрузил ее в вязкую массу на своей тарелке и осторожно перемешал. — Алина, гм-мм... Кашка-то, кажется, не удалась.

— И что? — спокойно отреагировала мама, залезая своей ложкой в горку каши. — Все равно это лучше, чем бутерброды. Ешьте.

Отец глянул на нее, согласно кивнул и сунул в рот комок слипшегося в молоке риса.

— Мам, можно я не буду это есть?

Кирилл отодвинул тарелку, посмотрел на мать — обидится, нет?

— А что ты хочешь? — спокойно отреагировала она.

Отвела с лица за ухо выпавшую из прически прядь волос. Улыбнулась почему-то грустно, тронула его за щеку.

— Не знаю, — он пожал плечами. — Там сыр-ки были творожные. Можно? И кофе?

— Можно, — согласилась мама со вздохом, опустила ложку в свою порцию, с трудом перемешала. — Честно? Мне и самой не нравится. Но ведь надо это есть, говорят, полезно. Никудышная я у вас хозяйка.

— Самая лучшая, — провозгласил отец, с трудом глотая последнюю ложку каши, он все съел. — Я из твоих рук даже... Даже смерть приму.

И он вдруг снова вздрогнул, и снова взгляд его сделался чужим и испуганным.

— Ну, ты, Геша, сказал, — рассмеялась мама, откидывая голову назад. — Я не представляю, что должно случиться, чтобы я вдруг возжелала твоей смерти?! Это не про меня!

— Я знаю. Ты миролюбива. Да это я так, к слову, милая.

Отец вяло улыбнулся и полез к ней через стол с поцелуем. Его накачанный пресс навис над небольшой супницей, пупок уперся в фарфоровую ручку. Мама увидела и шлепнула отца по боку.

— Гена же!! Ну, одеваться надо к столу!! А ты без штанов!

— Я в шортах, — возразил он, снова усаживаясь, поцелуй так и не состоялся.

— Это не шорты, а просто свободные трусы. Хорошо, у нас мальчик. А если бы девочка!

— А вот когда будет девочка, тогда и погово-

рим, — отец широко улыбнулся. — Когда-нибудь ведь будет?

Мать странно посмотрела на него и вдруг опустила голову. Отец погасил улыбку, и страх в его глазах сделался более явным. Даже Кирилл это почувствовал, хотя мысли его сейчас витали далеко-далеко. Где-то семью этажами ниже, на улице, где снегом замело их хоккейную коробку. Он отвлекся. Но когда мать едва слышно произнесла: «Не надо, Геша» — его вдруг проняло. И мысли заметались в голове совсем не детские.

А что он знает о своих родителях? Кто вообще они? Как стали вместе жить? Почему вполне безобидный вопрос о возможной сестренке разозлил мать и так перепугал отца?

Странно...

Эти недетские вопросы тем утром мучили его ровно три с половиной минуты, а может, чуть меньше. Потом он все забыл. Но спустя годы мог с точностью сказать, кто из них что говорил и о чем он в тот момент думал.

Что было потом?

Потом был суматошный день. Он ушел с ребятами на улицу, они чистили лед часа два. Потом бились трое на трое в одни ворота. Когда вернулся домой, родителей не было. Они уехали по магазинам. Потом случайно встретились с какими-то давними знакомыми и отправились ужинать в ресторан. Мама звонила ему ближе к десяти часам вечера. Была очень веселой, оживленной, с кем-то параллельно шутила. Сказала, что они с папой будут поздно, чтобы он не ждал их и ложился спать. Вернулись, когда он спал. И в рождественское утро он не обнаружил их нигде в квартире.

— Мам, пап! — громко звал Кирилл, обходя по очереди все пять комнат. — А вы где?

Ответом была записка, прищипленная к холодильнику и написанная маминой рукой:

«Кира, просыпайся, умывайся, завтракай и жди нас. Сюрприз будет ближе к вечеру. Мама».

Он принялся им звонить, но два самых родных абонента оказались вне зоны. Наверное, поехали в загородный дом, решил он тогда. Там планировалось проведение праздничного ужина. И сюрприз, о котором с загадочным видом шептался целый месяц отец, тоже должен был ждать их там. Видимо, мама в самый последний момент перехватила у отца инициативу и включилась в процесс. Так бывало всегда, когда он чего-то не успевал.

Кирилл залез в холодильник, достал копченую колбасу, копченого лосося, сделал себе гору бутербродов, заварил чай и завтракал в гостиной перед телевизором, тайно радуясь, что может позволить себе такую вольность. Через час пошел умываться и чистить зубы. И только собрался выйти на улицу, как объявился в Сети папа и сразу же позвонил.

— Кира, ты как, готов? — весело спросил папа.

— Смотря к чему, — осторожно ответил он. — А чего это вы вне зоны оба?

— Как? — не понял отец. — Как — оба?

— И мама, и ты.

— Не понял! — Голос отца сделался чуть тревожнее, чем прежде. — Мама оставалась дома, когда я уезжал. Я поехал в дом, там все будет. А мама... Она жарила тебе оладьи. Ты их ел?

— Ага! — соврал Кирилл.

Четыре сморщенных подгоревших оладушка